

**ЗИНАИДА
ГИППИУС**

МАЛЬЧИК В
ПЕЛЕРИНКЕ

Зинаида Гиппиус
Мальчик в пелеринке

«Public Domain»

1924

Гиппиус З. Н.

Мальчик в пелеринке / З. Н. Гиппиус — «Public Domain», 1924

«Когда я вспоминаю о петербургских предреволюционных и даже предвоенных годах – передо мною часто встают юные лица тогдашней литературной молодежи. И даже не только литературной, и не только молодые: помню лица и совсем детские. Мне тогда казалось, что не они, юноши и девушки, уже вошедшие в жизнь, не молодые поэты, уже коснувшиеся литературы, – наша настоящая надежда. Не они смогут дать нам настоящее новое, потому что не их глаза увидят новую жизнь, а вот эти полудетские глаза мальчиков и девочек, что ходят еще в коротких платьицах...»

© Гиппиус З. Н., 1924

© Public Domain, 1924

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Зинаида Гиппиус

Мальчик в пелеринке

I

Когда я вспоминаю о петербургских предреволюционных и даже предвоенных годах – передо мною часто встают юные лица тогдашней литературной молодежи. И даже не только литературной, и не только молодые: помню лица и совсем детские. Мне тогда казалось, что не они, юноши и девушки, уже вошедшие в жизнь, не молодые поэты, уже коснувшиеся литературы, – наша настоящая надежда. Не они смогут дать нам настоящее новое, потому что не их глаза увидят новую жизнь, а вот эти полудетские глаза мальчиков и девочек, что ходят еще в коротких платьицах.

Что ж, догадка оправдалась... ужасно оправдалась! Ах, так, сказала Жизнь, – и преподнесла нам кровавую гримасу.

Лучше бы и не вспоминать об этих догадках и упованиях, если б не одна мысль: может быть, и нет никакой гримасы; может быть, сегодняшняя действующая юность – вовсе не те, полудети *тогда*. Сегодняшние – не лежали ли они тогда в колыбели? А мои, вчерашние, тогдашние – просто погибли.

Оттого и были у некоторых такие серьезные, удивляющие глаза. Мы видели в них Судьбу, но прочитать ее не могли. Хотели думать, что написано – «жизнь», а это была – «смерть».

О гибели многих я знаю наверно. О других не знаю ничего, и это тоже, почти наверно, означает гибель. Мы слышали бы о «спасшихся», хотя бы о ком-нибудь из тех, кто ранее тянулся к литературе. Никого из них нет среди «Звезд» совдепской неолитературы.

Я хочу рассказать беглую встречу с одним странным полуробенком, таким странным, что до сих пор некоторых в нем вещей я не могу себе объяснить, они кажутся чудесными.

Это было в Кисловодске, летом 17-го года.

После потрясающей зимы и весны этого года в Петербурге, один из нас, трех старых литераторов, живших тогда вместе (и во всех смыслах близко стоявших к событиям) – заболел. Мы не обманывали себя, не закрывали глаз на серьезность общего положения и на опасность путешествия через всю Россию в данный момент; однако, решили рискнуть и поехать на несколько недель в Кисловодск.

Кстати, там друзья, – мы туда постоянно ездили раньше.

В Кисловодске все уже встряхнулось, – не то кипело – не то разлагалось. Как везде – внизу разлагалось, разваливалось, вверху как будто кипело.

Особенно кипело среди молодежи, самой зеленой, в наиболее интеллигентных слоях.

Ну, провинциальная молодежь очень все-таки разнилась от петербургской, – посерее, позахолустнее. Но имелось у меня и там несколько приятелей, с которыми весело дружить; отрадно и поболтать – и серьезно поговорить.

Я не чувствую в себе никаких способностей к педагогике, а потому разговоры мои с молодежью сами как-то выходили вне учительства и ученичества. Во мне просто был громадный интерес к ним (они это чувствовали) к тому, что они думают, как им что кажется, и подчас мы принимались серьезно спорить на самых равных правах.

Особенно дружили мы с двумя девочками. Сестры, – но такие разные, хотя обе очень интересные и талантливые. Старшей, математичке и «философке», живой, энергичной, было 16 лет. Младшей – 14. Эта – замкнутая, часто печальная, тихая; она писала стихи, недурные, еще детские; ей еще нужны были технические уроки (не Петербург, все-таки), но она быстро их схватывала.

Конечно, появились и всякие новые «свободные» журнальчики, листовки; один, быстро сгасший, журнальчик, даже «молодой», в чем сомневаюсь: печаталась там какая-то пропагандистская дрянь по «новой» орфографии.

Мои девочки, хотя происходили совсем не из демократической семьи, были, конечно, полны взволнованного восторга перед революцией, точно все эти три пятилетия своей жизни она только ее и ждала. Теперь-то, – казалось им, да и окружающей юности, – должна начаться настоящая работа. Всякий, кто как умеет, как может, – за работу!

Пока что – решили начать свой журнальчик под названием «Грядущее».

Маня (старшая) взяла на себя технику, летала каждый день в Пятигорск в типографию, с подручным гимназистом, который потом, ночью, еще отвозил исправленные корректуры.

Младшая, Оля, не такая подвижная, устроила на своем балконе редакторские приемы: туда должны были приносить рукописи (или присылать) сотрудники со стороны.

Столбы Кисловодска покрасили объявлениями о «Грядущем».

В списке сотрудников мы, трое петербургских писателей, не значились. Но как сотрудники «случайные» – мы там, конечно, писали, да и молодой «технике» нашим опытом посильно помогали.

Оля была завалена «материалом», и стихотворным, и прозаическим.

По вечерам «редакция», в полном или неполном составе, прибегала к нам (мы жили напротив). Приносились и «материалы» на проверку положенных резолюций.

Было бы глупо, начни я со строгостью судить этот «материал». Все – относительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.